

КАК СВИНЬИ

НЕЛЛИ ЗАЙЦЕВА
Живет в Санкт-Петербурге. Онончила три писательских курса в школе Band. Изучала драматургию в Creative writing school. Учится писать рассказы в мастерской

журнала «Фальтер» и на курсе «Нан писать прозу» в группе Дениса Гуцно. Первый рассказ вышел в журнале Voice в рамках конкурса страшных историй. Участница Литературной

резиденции АСПИР. Готовит к изданию дебютную книгу «Моя бабушка — инопланетянка» в издательстве «Пять четвертей». Состоит в писательском сообществе «Будь автором».

Я стояла перед квартирой, нашей квартирой, и кулаком жала на кнопку. Звонок прерывисто визжал, местами хрипло свистел, а потом и вовсе замирал, будто срывал голос от долгих потуг. Раз на семидесятый послышалось шарканье в тапочках и скрип половиц. Не стены, а шторы. Сколько жили, все знали о соседях, вплоть до предпочтений в порно, а они, само собой, про нас.

Идет нерасторопно, спал, что ли. Ты хоть подошву отрывай! Ходишь, как к полу приклеенный. Последний паркет сносишь, а еще одной пары бабы с дедом у тебя нет, некому больше завещать.

Выйдет сейчас лохматый, с короной на макушке из всклокоченных волос. Дверь откроет, я не удержусь – ваше высочество... Поклон. Нет, надо зайти с замершим лицом, чтобы все стрелы отражать. Зачем пришла? Холод из глаз. Куда уходишь? Холод из глаз. Чтобы ни одного «а может...».

Открывается дверь. Он стоит в морщинистой майке и достает из краешков глаз следы сна. И правда дремал. Сзади все тот же советский шик: шифоньер, трельяж, комод, венские стулья. Еще бы телевизор с выпуклым экраном, гитару на стену – и получился бы музей. Здраваться со мной не хочет, сразу предьявляет:

– Почему без предупреждения? Мог быть не один.

Ну конечно, повалили в твою коммуналку женщины. Завидный преподаватель истории. Весь уни-

вер придет на внеклассные занятия. «Таня, не ерничай, не твое уже сокровище. Пришла, забрала, уходи!» – скомандовала я над собой.

– Да, прости, телефон разрядился. Я за вещами. Собрал же?

– И до дома твоего нового доvez, передал твоему дворецкому.

Холод из глаз.

К этому моменту мне надоедает стоять на пороге, и я без приглашения протискиваюсь между дверным проемом и им, замершим в дверях. А он продолжает:

– Сейчас принесу. Тебе диван твой завернуть тоже?

– Да не, в кармане унесу.

Оба улыбаемся легонько, лицом в пол, чтобы не растопить льды. Нападаю первой:

– Хотя оставь себе. Ты его уже промял за годы безделья.

Бдыш! Моральный хук по переносице, чтобы одновременно и слезы, и искры из глаз.

– Язва ты, Таня, хочется диваном тебе этим по щекам надавать.

Ой-ой. Юморист-трепач. Продолжаю ерничать:

– Ну хоть уважительная причина будет для расставания – избивал.

Соревнуемся в остроумии. Засмеешься вслух – проиграл.

У нас общего имущества нет, только совместно нажитые шутки. И они все время возвращают в те моменты, когда нам казалось, что мир согнется под нашим напором, падет, расступится. А самый влиятельный на нем возьмет нас на ладонь, пронесет к вершине, к вечному счастью. Потому что такие, как мы, влюбленные, безумные, – его любимцы и баловни.

У нас общего имущества нет, только совместно нажитые шутки. И они все время возвращают в те моменты, когда нам казалось, что мир согнется под нашим напором, падет, расступится. А самый влиятельный на нем возьмет нас на ладонь, пронесет к вершине, к вечному счастью. Потому что такие, как мы, влюбленные, безумные, – его любимцы и баловни.

Где-то между ребрами застряли стопочки планов на жизнь: непостроенный дом, нерожденные дети. А вот ему вручают докторскую, и я в первом ряду: сережки новые, прическа от парикмахера, стрелки от соседки – у нее рука не дрожит. Сижу-горжусь: мой, не зря восемь лет верила! Планы режут, ножками стучат, ногтями нестриженными изнутри царапают: «А как же мы, куда нас? Исполняй!» Ну-ка, цыц! Похороню в этом паркете! Ни любви, ни тоски, ни жалости!

- Идея! Давай инсценируем твою смерть в автокатастрофе! И тогда я безутешная вдова и благородный повод для расставания. Буду ходить в черной вуали и плакать на плечах у твоих друзей.
- Трусишь признаться, что сама от меня ушла?
- Ага. Тем более к другому.

- Ну так и скажи: за восемь лет убедил меня в своей абсолютной безнадежности. Боюсь от него таких же неудачников рожать. Нашла генетику получше.
- Цинично как-то. Меня твоя тетя Рая тряпкой отмуззит. Для нее из более-менее уважительных причин расставания только смерть. Но я пока пас.
- Ну давай я и правда разобьюсь! Лишь бы о тебе плохо не думали.
- На чем разобьешься? На санках?
Снова одновременно улыбаемся в пол.
Выходит из комнаты. На полосатой стене ожидают портреты его бабушки и дедушки: первая задирает высокомерно лицо, второй сурово сучивает брови.
- Генриетта Ильинична, ну не смогла я в горе и радости! Детей наших мы бы тоже обещаниями кормили? Вы все равно до внуков не дожили, какая вам разница!
Аскольд Аркадьевич тоже ждет оправданий. Оба сговорились будто. Хотя их же порода. Интеллигенты-бессребреники. Они хоть коммуналку нажили. А этот...
- А вы чего нахмурились? Не научили внука мешки ворочать! Диссертацию вон семь лет пишет. Это я на вас злюсь, понятно!

Он возвращается с большим мусорным мешком. Сбоку дыра, из нее торчит засохший кактус, который выжил бы даже в пустыне. В этой коммуналке все дохнет: чувства, кактусы и планы.

- Тут все твое. Пакет можешь не возвращать.
Из-под листы, что ли, украл. Хочется ему пожаловаться, пусть защищает.
- Чего твоя родня меня осуждает со стен?
- А ты как хотела? Я единственный внук, а ты бросила меня ради богатого.
- С тобой по сравнению и охранник в супермаркете – солидный человек. А что за вонь у тебя, кстати? Либо готовишь, либо труп прячешь?
- Первое из второго. Шутка. Будешь ужинать?
- Идеально подходит для худшего последнего впечатления: твоя коммуналка и твоя стряпня.
Вообще обижаться человек не умеет. Я ему хамлю-хамлю. Пошаркал накрывать. Что у нас сегодня? Макароны с подливой, сосиски, сыр, колбаса двух сортов, помидоры, грибы в слизи, зелень, вино, соусы. Вот это да! Все взятки от студентов достал. Решил впечатлить роскошью. Хотя... что ж я за гримза! Сколько можно ехидничать.

Больше поводов увидеться не будет, надо как-то по-человечески попрощаться.

- Праздник получается, – иду я на мировую.
- Да, хана любви.

Мог бы не говорить. Опять эти несбывшиеся планы изнутри корябят. Еще бокал поднял, выпил не чокаясь. Не празднуем, а хороним. Я тебе столько шансов давала, чтобы ты хоть что-нибудь сделал! Вот и правильно. Хорошо, что все кончилось.

- Хана любви! – поддакиваю я.

Делаю глоток, выплевываю мелкими брызгами и тру язык салфеткой.

- Что за дрянь? На вкус как вода из лужи.

Он ухмыляется, берет паузу. Сейчас выдаст что-то гениальное.

- Это оборотное зелье. Ты же говорила, что только с любимыми можно обжираться по-свински? Вот и проверим. Если остались чувства – превратимся в поросят.

Неплохо. Им, кстати, амбиции ни к чему. Попросим, чтобы нам соседи объедки заносили, и заживем.

- Сколько у нас есть времени до развязки?
- Минут пятнадцать.

Захотелось в это поиграть. Я зачерпнула рукой макароны и донесла до рта. Уместилось не все, лишние упали обратно в тарелку и на стол. Он улынулся правым уголком. Смеяться нельзя же. А потом тоже схватил в горсть, закинул в рот с замаха и, не закрывая его, стал жевать. Был бы чужой – передернуло бы. А так...

Мой ход. Заливаю стол струями соуса. Красные капли летят на белое платье. На это он смешивает грибы с помидорами руками. Какая гадость! Содержимое тарелки летит мне в лицо. Напрашивается. Встаю и надеваю ему на голову свою тарелку. Подлива течет по лицу, шее и груди. С посуды на голове он доходит до холодильника, а оттуда, как из-за засады, кидается всячиной – яйцами, бомбами с кефиром и черными бананами. Собираю снаряды и отстреливаюсь ответным огнем. Оба смеемся, и оба проигрываем.

Потом уже все кубарем: что-то попало в глаза, щиплет, не проморгаться, хожу и кидаюсь на ощупь. Вокруг все скользкое и мокрое, стоит грохот, падают то ли стулья, то ли шкафы. Спотыкаюсь обо что-то и падаю. Оказывается, что об него. Нахожу чистый уголок рукава, протираю глаза, открываю: вся комната разукрашена едой, местами разрушена, а мы грязные валяемся на полу. На шум сбежались соседи, охают, причитают. Пытаюсь их успокоить, но вместо слов получается только...

- Ви-и-и-и-и-и-и!